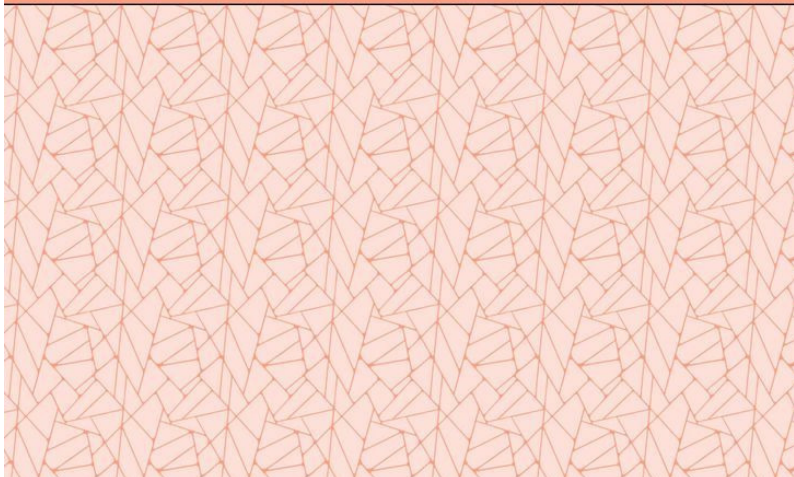

Сергей Степанов-Прошельцев

Атмосфера распада

Стихи из-за колючки

Сергей Степанов-Прошельцев
Атмосфера распада.
Стихи из-за колючки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43114348

ISBN 9785005007797

Аннотация

Стихи, написанные за колючкой. Автор был осуждён по ложному обвинению. Прошёл все круги ада. По амнистии был направлен на стройки народного хозяйства. Но неизвестно, что было лучше...

Содержание

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ	5
АТМОСФЕРА РАСПАДА	5
1. Стихи из-за колючки	6
ЕСЛИ ВЕРНУСЬ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Атмосфера распада Стихи из-за колючки

**Сергей Степанов-
Прошелец**

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-0050-0779-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Сергей СТЕПАНОВ-
ПРОШЕЛЬЦЕВ**

АТМОСФЕРА РАСПАДА

1. Стихи из-за колючки

Нет высшей свободы, чем эта свобода

* * *

Предзонник. Зона. Шмон. Встречает лагерь
колючкою и на ларьке замком.

Иду в промокшей, порванной телеге
в свою локалку – так велит Закон.

Одна мечта – упасть скорей на шконку,
чтоб позабыть, чтоб утопить во сне
сырой барак, похабную наколку
на сколиозной старческой спине,

овчарок лай и окрик конвоира...

Осточертела эта кутерьма!

Меня мутит, как будто от чифира,
от этой жизни, серой, как зима.

Но даже здесь, среди людского сора,
нельзя простить себе малейший сбой,
чтоб даже в крайней степени позора
быть человеком, быть самим собой.

И зубы сжав, пусть все вокруг немилу,
шагать в пургу, в пустую трату дней,
чтоб свято верить в справедливость мира
и полюбить его еще сильней.

Чтоб, словно Феникс сказочный, из пепла
сумел я встать, ещё совсем не стар.
Чтоб эта вера ширилась и крепла,
как искра, превращённая в пожар.

* * *

За бетонной стеной, за решёткой стальной
снова слышится трель милицейской свирели.
Хулиганов становится больше весной,
и штaketник трещит от напора сирени.

Жизнь моя, словно эта хмельная весна,
отшумела, мелькнув только призраком рая.
И удача — обманчива, точно блесна, —
где-то рядом была, не меняя ободряя.

Бьет в намордник окна шалых листьев пурга,
бесконвойные ветры шумят без призора.
И щербинка луны – как улыбка врага,
и звезда в небесах – как свидетель позора.

.

* * *

Город гудел, как улей, и жизнь у меня была
стремительнее, чем пуля, летящая из ствола.
Затрещин, обид и премий отмерив, как и другим,
меня захлестнуло время арканом своим тугим.

Не думал над каждым шагом, что будет – я не гадал...
Теперь вот коплю, как скряга, потерянные года.
Бездельем бездумных буден томясь, я встаю чуть свет.
И будущего не будет, и прошлого тоже нет.

Ни цели, ни перспективы, лишь мухи у потолка.
И время течет лениво,
как медленная река.

* * *

Нет высшей свободы, чем эта свобода,
когда ты свободен от власти и денег,
когда не пугает любая погода,
когда ты, как ветер, такой же бездельник;
когда ты срываешься с крыши, как птица —
ни отчего крова, ни признака боли, —
когда ничего тебе ночью не снится
и нет тебе дела, что будет с тобою;
когда за окном облаков белоснежность
и грустно от их торопливого бега,

как будто последнюю чувствуешь нежность —
прощальную нежность апрельского снега.

* * *

Сколько выпало невзгод, но такой беды не снилось.
Сутки тянутся, как год, ночь – как будто Божья милость,
что дарована не в прок, как и ранняя усталость.
Оглушил тяжёлый рок той судьбы, что мне досталась.

Что теперь? Одна лишь мгла. Житель я другого мира:
ни забот и ни угла – жизнь, как линия пунктира.
Исправлять – напрасный труд. Ну, хотя бы не сегодня.
И опять все струны рвут музыканты Преисподней.

Мы – зэки. Мы — каждый сам по себе

* * *

Пахнет с воли солянкой – тошно.
Тащат с рынка морковь, картошку,
из авосек точит шпинат.
Здесь, как раньше, с харчами тяжко:
заблудившуюся дворняжку,
втихаря отварив, едят.

Нынче — праздник. Потом — по-новой
миска каши в обед перловой

и баланда – одна вода,
никаких тут куриных грудок,
и тоскует пустой желудок,
как узбек на бирже труда.

Где-то жарят картошку с салом...
Лом хватаю, чтоб легче стало,
бью по камню — таков мой крест.
Нет лекарств эффективней лома!
...Выйдет срок мой – полгастронома
сьем, наверно, в один присест.

* * *

У этих тёмных окон я
коплю тоску галимую.
Прощай, моя далекая,
прощай, моя любимая!

Я заперт в тесной камере,
стою в проходе узеньком.
Оркестр играет камерный
трагическую музыку.

Она такая страшная,
она такая душная —
как реквием по нашему

с тобою равнодушию.

* * *

Я не станцию — я государство проспал,
и его ни за что не вернёшь.

На стиральной доске креозотовых шпал
мылит путь надоедливый дождь.

Мчит «столыпин». Он ржавой селёдкой пропах —
нам паёк выдавали сухой.

И песок (но песок ли?) хрустит на зубах —
это кости, что стали мукой.

Эти кости на мельнице смерти смолот
вдохновитель кровавых ночей.

И уже не селёдкой пахнет — смолой,
горькой серой из адских печей.

Здесь сосновая глушь. Мне теперь предстоит
слушать то, что наш мир не забыл:
не изысканный шёпот холёных столиц,
а сирену и рёв бензопил.

Там студёный январь в рог бараний согнёт,
сунет мордою в лагерный быт...

Это всё происходит не только со мной —

вся страна на коленях стоит.

Раньше вольницы были в тайге острова,
а теперь – лишь метель и конвой...

Ты прости, что мне снится,
прости мне, страна,
тот безумный, тот тридцать седьмой.

* * *

Ветер к полуночи вдруг слинял, звёздный свет голубой...
Тычется в створки окна луна лысою головой.

Выйду к некормленным голубям, вот я и дохромал...

Всё — голубям, одарить тебя
нечем — мой пуст карман.

Хлебные крошки птицы клюют, белый пурги дымок...
Ты извини, но что есть уют, как-то мне невдомёк.

Я в безысходности февраля лета не жду визит.

Знаешь, недвижимость вся моя
здесь на крючке висит.

Я ничего совсем не скопил – не было в том проблем:
я никогда не бывал скупым, только делился всем.

И никуда меня не зови – этого я не жду:
я, как голодные сизари,
сам докляю беду.

* * *

Июльский полдень. Душный ветер густ
над лагерем, что стал моей квартирой.
И свет дрожит — как будто сотни люстр
внезапно лихорадка охватила.

Развод прислала прежняя жена.
Удар под дых. А здесь — шмоляют в спины...
Дотла палящим солнцем сожжена
земля вокруг — земля моей чужбины.

Но мне ещё не вынесен вердикт.
Ещё я жив. О том молчу, как рыба.
И труп в запретке третий день смердит
безногого по прозвищу Шкандыба.

Он сирота и родственников нет,
теперь в нём столько дырок, как в дуршлаге.
Он никому не нужен, дармоед,
как никому не нужен этот лагерь.

* * *

Костра озорные космы причудливо трепетали,
опалубка догорала, исполнив последний долг,
а мы у костра сидели на сломанной бочкотаре,

и плавилось отчуждение, как возле огня ледок.

Всего только четверть часа — наверное, это мало,
но пара затяжек «Примы» — и силы я сохраню.
Ведь пламя — на то и пламя, что всех нас объединяло,
как пращуров, что в пещере молились Царю-огню.

Нам было светло и жарко назло всем метельным зимам,
и синей гвоздикой сварки монтаж распускал бутон.
Сновали цементовозы, бетон подвозили ЗиЛы,
И тёплыми были руки, формующие бетон.

И как-то в душе теплело, пусть срок оставался сроком,
и это тепло мы вскоре почувствуем, уходя,
когда улыбнётся зданье широкой улыбкой окон,
подмигивая игриво блестящим глазком гвоздя.

* * *

Я вытру с лица свой горячий пот.
Всё! Перекур. В бытовке сидим.
Здесь тесно от ватников и сапог,
табачный плавает дым.

Грубо сколоченная скамья...
И совсем незаметно минуты текут,
но здесь мы — словно одна семья,

и поэтому здесь уют.

Мы — зэки. Мы — каждый сам по себе.

У зэка нету друзей.

Но я – Сергей, мой напарник — Сергей
и бригадир — Сергей.

Узнает пусть нетюремный свет,
о пользе жизненных ям,
ведь мы – Сергеи, хоть не в родстве,
хотя по разным статьям.

Натянем ушанки. Снова вдогон
ветер мчит напролом.
Спасибо тебе, зелёный вагон
за это твоё тепло.

И пусть дороги все замело,
пусть выюги плевков в меню,
спасибо тебе. Я это тепло
в душе своей сохранию.

*Я навсегда ту женщину прощаю за то, что я любил
её когда-то*

* * *

Я так хочу тебя забыть,
поскольку ты желаешь это.
Но как мне жить, но как мне быть,
когда так не хватает света?

Лишь случай отобрал права
на свет, когда в разгаре лета
под небом ластилась листва...
Теперь же неба больше нету.

* * *

Два месяца с лишним, два месяца с лишним,
как тень моя призраком бродит по стенам.
И голос мой больше в квартире не слышно,
и кажется, будто она опустела.

Взгляни: пожелтели в прихожей обои,
и двери рассохлись, что кожей обиты.
Мы ссорились здесь и мирились с тобою,
прощая и не забывая обиды.

Здесь нас в январе донимали простуды
и не было крыльев душе для полёта.
И воздух был рыхлый и вязкий, как студень,
и мягко пружинил, как жижа болота.

И мы не смогли насладиться покоем —
чего-то опять нам с тобой не хватило.
И что-то такое, и что-то такое,
в чём главное было, ушло из квартиры.

Всмотрись: по ночам одинокие тени
обходят березку и столик трехногий.
Всмотрись: это наши с тобою потери.
Всмотрись: это наши с тобою тревоги.

Они равнодушно, с нелепым усердьем
по мягким паласам ступают неслышно,
и хваткой бульдожьей сжимают предсердье
два месяца с лишним, два месяца с лишним.

* * *

Друг мой, стареем с тобою мы разно —
словно дуплетом сразило нас с лёту.
Наша любовь миновала, как праздник,
и впереди – только будней болото.

Точно две льдины, нас жизнь разносила,
холода в сердце добавили зимы.
Два одиночества несовместимы —
даже одно оно невыносимо.

Что же глядишь ты из мрака и дыма,
Что же клянёшь непредвиденный случай,
друг мой единственный, друг мой любимый,
тихий заложник беды неминучей?

* * *

Опять листва порывисто-упруга,
а я в тюрьме — хорошенькое дельце!
Всё в этом мире движется по кругу,
и никуда от этого не деться.

И точно так же позднею весною,
когда скворец зовёт свою подружку,
та женщина, что мне была женою,
пройдет с другим по улице под ручку.

Она себе прекрасно знает цену.
Мое упрямство так её бесило.
Она простить не сможет мне измену
тому, во что поверить я не в силах.

Пускай решит: вина моя большая,
а вот она ни в чем не виновата.
...Я навсегда ту женщину прощаю
за то, что я любил ее когда-то.

* * *

Когда непрухи полоса,
я жду, как ожидают помощь,
твои восточные глаза,
непостижимые, как полночь.

Они и в полутьме блестят
на жарком бархате июля...
Как я люблю твой быстрый взгляд —
пугливый, словно у косули!

Не надо говорить слова,
не надо, ничего не надо,
когда кружится голова
от недосказанного взгляда.

И затеплится в сердце надежда...

* * *

Я старым стал, и списан был на слом —
мотор имел лишь минимум коней.
Меня теченьем времени несло
на мертвые завалы из камней.

Выходит, я машину в пропасть гнал,
шёл напролом, всё от себя меча?

С тупым прекраснодушием бревна
я ничего вокруг не замечал.

Но вот беда прокралась. Я не смог
спокойным быть. Я в ней поднаторел.
И сжался свет в один большой комок,
и в нём я, словно мушка в янтаре.

Ну да, я был, конечно, дураком —
я жил, свой мир надеждой заселя.
И нет опоры больше мне ни в ком,
и я надеюсь только на себя.

Себе внушу, что тайный я ведун,
что мне известно средство от тоски.
И цель одна: не победить беду,
а приручить, чтоб корм брала с руки.

* * *

Здесь такая парилка, что мы через раз только дышим.
Солнца жёлтая тыква похожа на морду слоновью.
Раскалённую сталью оно протекает по крышам,
и мне кажется, небо кровавой сочится слюною.

Не в дугу никому – независимо это от ходки,
лишь мышам всё равно – вновь свои совершают походы.

В безвоздушном пространстве, в аду африканской духов-
ки

нам, наверно, не выжить, коль будет такая погода.

Где-то что-то горит. Мы не курим, но пахнет палёным.

Нет лесов уже больше – одна остаётся зола там.

Сумасшедший июль. Равнодушие антициклона.

Белгородский СИЗО. От всего на земле изолятор.

* * *

Я под вечер в том городе буду,

где удача меня не ласкала.

Я в ларьке сдам пустую посуду

и возьму себе пару бокалов.

Я стоять буду долго за кружкой

в телогрейке и рваном треухе.

И, подумав, что я — побирушка,

мне дадут на похмелку старухи.

Я не стану их брать подношенье —

пусть попросят по блату у Бога,

чтобы он даровал мне спасенье

от тоски — мне не надобно много.

А потом я пойду по аллее,

где лохматые липы кагалом,
и на севере будет светлее,
чем над морем, — там туч понагнало.

Я почищу под краном одежду,
трону волосы мокрой рукою.
И затеплится в сердце надежда
на хорошее что-то такое.

* * *

Мы задыхались с тобою в безветрии,
словно раakitника куст у реки.
Не понимая законов симметрии,
мы были так от неё далеки.

И суждено было нам поражение:
нас проверяла судьба на разрыв.
Два антипода, вступая в сближение,
вовсе не знают, чем кончится взрыв.

Ночь за окном. Я прошу тебя, вылечи.
Нету лекарств — хоть шаром покати...
Нас разметало, наверно, на тысячи
тысячи вёрст, и следов не найти.

И превращаюсь я в тень свою, в работа,

вижу я снова, хоть это и дичь,
твой полуночный, твой взгляд из какого-то
мира, который не в силах постичь.

Коль в цепи ты закован, какая польза в крыльях?..

* * *

Осень какая-то ранняя – как из ведра потекло...
Если придёшь на свидание, встретимся через стекло.
В три, а быть может, в полпятого ты будешь ждать в уголке,
жёлтый платочек с цыплятами комкая в узкой руке.

Скажем друг другу не главное – это совсем не допрос.
Милая, добрая, славная, сколько я горя принес!
Время нам медленно стариться, напрочь с тобой я порву.
Только навеки останется память о том randevu.

Столик, засиженный мухами, в банке засохший левкой...
Самую страшную мукою
будет твой взгляд никакой.

* * *

Сойдешь по ступенькам крыльца —
и сразу померкнет весна.
Беда не имеет лица —

сплошная гримаса одна.

Но шалого ветра порыв
надежду вселяет опять,
что эту беду пережив,
ты радость достоин принять.

Чтоб встретить и правду, и ложь,
печалюсь и снова смеюсь...
Наш мир потому и хорош,
что трудно понять эту связь.

* * *

Смирись перед Законом, не трать свои усилия:
коль в цепи ты закован, какая польза в крыльях?
Судьбы неясен выпад, но неуместны пренья.
Один есть только выход – накапливать терпенье.

Твоя оглохла лира – ей в этих стенах тесно,
но верь: взлетит над миром мелодия протеста.
О лжи не будет речи: всё будет так, как было.
И вздрогнет, как при встрече, та, что тебя забыла.

* * *

Прислушайся: в мире, где птиц заглушают клаксоны,
где лук в огороде и вырос бурьян у сарая,

на летнем наречии шепчутся липы бессонно,
как шепчутся люди, тревоги свои поверяя.

Они уже были людьми, только раньше немного.
Теперь не пугаются их воробьиные стаи.
Повсюду, повсюду застыли они одноного,
как памятник тем, из которых они вырастают.

Послушай ночами их стоны и горькие всхлипы,
их радость при встрече пришедшего заново мая.
Послушай, прошу я, что скажет усталая липа,
моими руками, как прежде, тебя обнимая.

* * *

На дворе — разгар зимы, снег устал, похоже, падать,
но, как соком бузины, обжигает душу память.
В той стране, где старый сад на ветру ветвями машет,
опьяняет аромат зверобоя и ромашек.

Подпирал я там плечом теплый ствол цветущей сливы
и не думал ни о чём, потому что был счастливым.
И так хочется опять, захмелев от красок мая,
это счастье испытать, ничего о нём не зная.

* * *

Чтоб спастись, я не сделал ни шагу,

не пугался большого пожара.
Я в такую попал передрагу,
что спасёт разве только поджарость.

Но не надо мозги мои пудрить —
я не буду творить беспредела.
Пусть огонь опалил мои кудри,
голова-то моя уцелела.

Пусть тюрьма – это вовсе не Мекка,
это область, наверно, такая,
где однажды я вдруг докумекал,
что в аду не везде припекает.

* * *

На мгновенье забудь, что наш век суетлив,
что в прихожей не выключил свет, уходя, —
и услышишь давно позабытый мотив,
что сентябрь подбирает на скрипке дождя.

И услышишь, как листья поют, и остуд
не боятся. Не бойся и ты, оглядись —
и забудешь свой угол и сытый уют,
и душа устремится в рассветную высь.

И она воспарит над кленовою хной

и над ветром, что пыль водяную несёт.

Пусть в тот миг будет править твоею страной
эта музыка непостижимых высот.

Не живи, печаль смакуя, не кичись своей бедою...

* * *

Ты вольна поступить как угодно,
никого и ни в чем не виня.

Ты красива и снова свободна
и когда-то забудешь меня.

Будет кто-то, кто лучше и чище,
кто моих не узнает забот.

Он давно тебя, милая, ищет
и когда-то, наверно, найдет.

Жизнь покажется легче, новее.

Все, что надо забыть, — на распыл!

Даже ветер — и тот не навевает
сон о том, что тебя я любил,

эту кипень кудлатого мая,
шум дождя и мельканье огня,
когда шел я, тебя обнимая,
и когда ты любила меня.

* * *

Ты не ждал судьбу такую, что молотит градобоем?
Не живи, печаль смакуя, не кичись своей бедою.
Жизнь свою меняет скорость. Если не затянет в омут,
значит, завтра, значит, скоро что-то будет по-другому.

Будет солнце после града, чтобы высушить одежду,
и улыбка — как награда
за последнюю надежду.

* * *

Разве я думал, что каждый
станет мне дорог когда-то,
кто испытал хоть однажды
крайнюю степень утраты?

Сам я живу, как придётся.
Мне себя вовсе не жалко.
Жизнь – как октябрьское солнце:
светит, да только не жарко.

Жаль мне других – им похуже,
их искалечены души,
им и тропиночка уже,
жизнь их — якутская стужа.

Кто из них станет оседлым?

Снова они пролетели.

Гонит их ветер осенний
в логово белой метели.

Худшего не приготовить,
если не держишься стаينو.

И не узнает никто ведь
их величайшую тайну.

* * *

Этот счёт не приложишь к оплате —
задолжал я за это и то,
и, коль я никого не оплакал,
то меня не оплатят никто.

Я не знал, где быстрины и мели,
нарезая по жизни круги,
но в душе доброты не имея,
трудно жалости ждать от других.

Не до смеха теперь, не до смеха
я попал в непростой переплёт.
Спохватился, да поздно: уехал
поезд мой на столетье вперёд.

И никто не посмотрит с укором,
всё сокрыто в тревожном дыму,
и машу я, прощаясь, рукою,
вероятно, уже никому.

* * *

Снова кисточка рассвета
в краску алую макает,
вновь от тараканьей этой
я тоски изнемогаю.

Выйти б вновь туда, где брагой
пахнет вольный ветер южный!
Надоело быть оврагом
никому совсем не нужным.

Но другого я не стою,
это, видимо, расплата —
неразлучным быть с бедою
от заката до заката.

ЕСЛИ ВЕРНУСЬ

В комнате всё тот же абажур,
ветер занавеску изорвал...
Я отвыкшим голосом скажу
напрочь позабытые слова.

Здесь не слышно воя бензопил,
здесь печаль, как первый снег легка...
Ты пойми: я тот, кем раньше был,
если изменился, то слегка.

Головой вот только побелел...
Но, как сердце радостью не грей,
та печаль, которой я болел,
как собака, ляжет у дверей.

* * *

Сумрак осенний палев, раннее запустенье.
Листья давно опали, с собственной слившись тенью.
Светом луны окутать ночь бесконечно рада...
Я постою покуда с тенью своею рядом.

Маленьких два уродца. Неразличимы лица...
Скоро и мне придётся

с тенью своею слиться.

* * *

Есть неразгаданные тайны: ответа нелегко добиться,
зачем в тюрьме сентиментальны бывают лютые убийцы.
Когда на совести нечисто, вмиг изменяется походка.
Закоренелые садисты глядят рассеяно и кротко.

Они живут не днём вчерашним — у них теперь иные сроки —

не потому, что стало страшно, а потому, что одиноки.

Их неправдивы показанья, любой в душе, как прежде, Каин.

Но нет, наверно, наказанья
страшнее, чем тоска такая.

* * *

Когда летит на влажный мох
листва, и в рощах дым и голо,
мне кажется, что я бы смог
понять берёз прозрачный голос,

чтоб навсегда в душе сберечь
и пронести через лишенья
их ненавязчивую речь,
бессвязный шепот утешенья.

Я никогда не обрывал
его, надеждой сердце грея,
что шелестящие слова
разумной жалости добрее.

* * *

Птицы ищут удобный ночлег,
а кругом – водоверть, водокруть...
Мой далёкий родной человек,
ты ведь тоже не можешь заснуть.

На хорошее мысли направь,
а всё-то, что мешает, спровадь.
Ты прости, я давно был неправ,
хоть во многом и ты неправа.

Засосала нас всех круговерть,
но ты каверз, Судьба, не готовь:
есть права и на жизнь, и на смерть,
нету права на нашу любовь.

* * *

Засохла, как аптечная трава,
душа во мне, и нет тепла нигде.
И не под силу подобрать слова,

чтоб рассказать о собственной беде.

Скорей бы выпить боль свою до дна,
чтоб в лес войти, где, как рубинов горсть,
щемящая лесная тишина
подарит мне рябиновую гроздь.

Услышать гром. Увидеть дождь грибной.
Лесную прель. И дятла на сосне.
И все забыть, что было не со мной,
в каком-то веке, в тридевятом сне.

* * *

Я поклонюсь, как флагу,
лесу, что прям и светел.
Алою кровью ягод
брызнет под ноги ветер.

Настежь раскрою двери,
слушая шорох вербный.
Я с малолетства верил
в этот простор целебный.

В шорох ночного сада,
груши, что одичала.
И ничего, что надо

всё начинать с начала.

Дай мне забыть её! Хоть до рассвета

* * *

Я вспоминаю, грешен, — кольнуло, как иглою, —
тот сад, что занавешен черёмуховой мглою.
Цвела сирень левее, дождём дорожку смыло...
И тихо ветер веял — как из другого мира.

И всё так странно было в неверном этом свете:
наверное, любила ты не меня, а ветер.
Он вновь летит из мрака, что всё плотней и гуще, —
беспечный, как гуляка,
сам от себя бегущий.

* * *

Вот и август уже на исходе,
для дождей служат крыши мишенью,
и опять происходят в природе
неприметные перемещения.

Блёкнут краски. Их было так много,
остается лишь охра в итоге —
словно капсуль устройства взрывного
щелкнул: миг — и зима на пороге.

Лист кленовый планирует, жилист,
в кронах редких — обилие света:
словно мира душа обнажилась,
как бывает с душой человека.

Словно зная, что с бешеной прытью
вьюга снова спешит на свиданье,
что-то важное хочет открыть он,
недоступное для пониманья.

* * *

Сентябрь распечатал колоду, повсюду червонная масть,
и листья бросаются в воду и долго не могут упасть.
И жмутся, и ластиятся к веткам – забытые дети ветвей.
...Как листья, гонимые ветром, кружу я по жизни своей.

В природе – пора золотая, а я у себя же в долгу:
я падаю, но не взлетаю,
поскольку уже не могу.

* * *

Удлиняются жёлтые тени
листьев клена, летящих с утра.
Что такое людские потери
рядом с этой стихией утрат?

Задержись у родного порога,
оглядись, не спеши, уходя,
посмотри, как тоскует природа,
как исходит слезами дождя.

Сыплют капли в разбухшую мякоть
сквозь остатки изреженных крон,
словно хочет октябрь оплакать
листопады грядущих времен.

* * *

Снова задумал январь взбелениться,
так он достал, что я снова растерян.
Хуже тюрьмы и страшнее больницы
это месилово мглистой метели.

И невозможно заняться делами,
слыша, как стекла царапает выюга.
Как это страшно, когда разделяют
двух человек, что любили друг друга!

Дай мне одно всего только мгновенье,
чтобы сквозь снежные эти заряды
снова настичь тебя — облаком, тенью —
лишь бы, два призрака, были мы рядом.

* * *

Ты слова не жалела нисколько,
ведь за это никто не осудит.
Разлетелись они, как осколки
безнадёжно разбитой посуды.

Эту память ни вырвать, ни сжечь, ни
зашвырнуть в огород, словно камень.
Остаюсь, как несчастный горшечник,
я один на один с черепками.

Не сложить их, не склеить, как было.
Примираюсь с судьбою слепую.
Что ж, все правильно: ты не любила,
не любила казаться скупую.

* * *

Вот он мелькает за прожелтью леса,
вот уже видится более чётко —
нагроможденье стекла и железа,
камня, что красен, как бычья печёнка.

Мир, что еще добродушно-наивен
и бескорыстен, как сытая чайка,
в бусах огней, что надеты на иву, —

словно на праздник собралась сельчанка.

И, как шары бильярдные, к лузе
катятся звёзды... И та, что женою
станет не мне, и волос её узел
ветер рассыплет волною ржаною.

Боже всеильный! Не надо иного
благодаяния, дай только это:
дай мне забыть её – хоть на немного!
Дай мне забыть её! Хоть до рассвета.

* * *

Город угрюмый, изогнутый, острый, как коготь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.